

Стереоскоп

ДВА ЗАРЯДЬЯ: ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Павел Сергеевич Куприянов,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела русского народа
Института этнологии и антропологии РАН
E-mail: kuprianov-ps@yandex.ru

В статье анализируется визуальная и смысловая трансформация московского Зарядья с конца XIX в. до настоящего времени. Образы места выявляются на основе широкого круга визуальных и вербальных источников, в том числе краеведческой литературы, кино- и фото-документов, интервью бывших местных жителей. Прослеживается взаимосвязь между трансформацией внешнего облика пространства и приписываемых ему культурных смыслов. В качестве ключевых компонентов трансформации Зарядья описываются монументализация, музеефикация и историзация.

Ключевые слова: образ; городское пространство; восприятие; ландшафт; трансформация; визуальные исследования; Зарядье.

УДК 94:316.334.56(470-25)

Городское пространство, будучи номинально объектом урбанистики (*urban studies*), фактически сегодня находится в поле зрения целого ряда научных дисциплин: культурной географии, искусствоведения, истории, культурологии, фольклористики, этнографии, социально-культурной антропологии. При этом, вопреки тенденциям последних десятилетий, междисциплинарный подход в этой области – по-прежнему скорее многообещающая перспектива, нежели её актуальная характеристика.

В настоящей статье мы, не претендуя на междисциплинарность, стремились учесть теоретические и практические наработки, полученных в рамках разных дисциплин. Мы представляем ниже результаты практического исследования, посвящённого процессу трансформации городского пространства – его визуальных образов, семиотических значений и культурных смыслов. Определяющими для нашей работы стали, во-первых, *визуальный* аспект, а во-вторых, *антропологический* подход к анализу пространства, предполагающий совокупное изучение трёх элементов: физической реальности, представлений о ней и связанной с ней практики [Тишков 2003: 289-290; Пространство... 2002].

Два Зарядья: постановка проблемы

– В Сокольники он, гад, рвётся... Там есть, где спрятаться...
к/ф «Место встречи изменить нельзя» (1979)

– В Зарядье он, сука, рвётся... Там есть, где притыриться...
[Вайнер, Вайнер 2001: 342]

Знаменитый фильм С.С. Говорухина, снятый в 1979 г. по роману братьев А. и Г. Вайнеров, уже тридцать лет пользуется заслуженной популярностью у отечественного зрителя. Персонажи фильма стали героями песен и анекдотов, а многие фразы «ушли в народ». Слова, вынесенные в эпиграф, звучат в одной из самых напряжённых сцен, во время погони МУРовцев за бандитами по ночной Москве. В книге это тоже довольно драматический момент, однако, как видим, фраза звучит несколько иначе.

Разница, вроде бы, несущественная, хотя, всё же, довольно заметная: в книге все экспрессивней, чем в кино. Однако нас в данном случае интересует не стилистические, а «топографические» различия: выясняется, что в романе и в фильме преступники едут в разных направлениях. С точки зрения смыслового содержания картины смена Зарядья на Сокольники – незначительная деталь, никак не влияющая на дальнейшее развитие событий. В контексте же интересующей нас темы этот сюжет, напротив, представляется весьма существенным: он позволяет рассмотреть проблему визуальной, образной и смысловой трансформации городского пространства на конкретном примере – московского Зарядья.

Зарядье – один из древнейших исторических районов в Центре Москвы, к востоку от Кремля, в южной части Китай-города. Ограничен на севере улицей Разина, на востоке – Китайским проездом, на западе примыкает к Красной площади, на юге – к реке Москве [Зарядье 1980; ср.: Зарядье 1997; Зарядье 2013].

Это начало энциклопедической статьи очень показательно: ещё до локализации описываемого географического объекта авторы отмечают, что речь идет о «древнейшем историческом районе». В данном случае структура статьи следует распространённому образу места: *древность* служит его ключевой и базовой характеристикой. Сегодня это первое и главное, что определяет особенность территории и составляет её сущность, поэтому (а, возможно, наоборот, *по причине того, что*) всякое упоминание о Зарядье почти обязательно сопровождается указанием на его историчность [см., напр., Алексеев и др. 1998: 279; Викторов, Трофимова 1998: 143]. Ещё одна важная составляющая образа Зарядья – его своеобразный внешний облик. С одной стороны, здесь на небольшой площади находится сразу несколько памятников церковного и гражданского зодчества, а с другой, с 1967 г. вплоть до недавнего времени здесь располагалось здание крупнейшей московской гостиницы «Россия», ныне уже разобранной (см. *рис. 1, 2*).

Таким образом, сегодня, как и тридцать лет назад, Зарядье – это, прежде всего, *историческое* и *туристское* пространство. И в свете такого представления поведение бандита Фокса в упомянутом романе представляется весьма странным – ведь это совсем не то место, где было бы легко уйти от преследования. На просторных террасах отеля или среди архитектурных памятников даже ночью «притыриться» довольно трудно. Да и кому придёт в голову скрываться от милиции в туристической зоне, да еще и в самом центре города, под стенами Кремля?

По-видимому, направляя героя в указанном направлении, авторы романа имели в виду какое-то *другое* место – другое не *территориально* (второго района с таким названием в Москве нет), а *содержательно*. Это послевоенное Зарядье (действие романа происходит в августе – ноябре 1945 г.) должно было существенно отличаться от современного не только

внешним обликом (очевидно, более укромное, чем существующий архитектурный ансамбль) но и культурным смыслом (связанное скорее с преступным миром, чем с древней историей).

Таким образом, оказывается, что «древнейший исторический район» – вовсе не единственное определение интересующего нас пространства. Роман «Эра милосердия» содержит явные свидетельства существования *иного Зарядья*, образ которого разительно отличается от современного и определяется не историчностью, а совсем другими чертами. Каково содержание этого образа? Когда и в связи с чем он возникает? Как он соотносится с «историческим» представлением о Зарядье?

Рис. 1. Вид на гостиницу «Россия» с улицы Варварки. 2005 г. Фото автора.

Рис. 2. Гостиница «Россия», Знаменский собор и колокольня Знаменского монастыря. 2005 г. [Moscow... 2006]

Старое Зарядье: рождение образа

Для ответа на поставленные выше вопросы стоит обратиться к материалам, наиболее полно отразившим динамику образного освоения городского пространства – краеведческой публицистике и городским путеводителям. Здесь образ Зарядья с самого начала (т.е. с конца XVIII в., когда появились первые сочинения этого жанра) отличался некоторой *двойственностью*. С одной стороны, постройки, находящиеся на территории района, довольно часто попадали на страницы путеводителей. Особенно популярными были Знаменский монастырь, церкви Св. Варвары, Св. Максима, Зачатия Св. Анны. Все они в силу тех или иных особенностей входили в круг объектов, достойных внимания заинтересованного наблюдателя. Так, в связи со Знаменским монастырем сообщалось, что он находится на бывшем Государевом дворе, где по преданию родился первый царь правящей династии Михаил Фёдорович (во второй половине XIX в. упоминался также расположенный здесь музей «Дом бояр Романовых», открытый в 1859 г. по указу Александра II). Церковь Св. Варвары привлекала своей архитектурой, а церковь Св. Максима была известна тем, что в ней хранились мощи Св. Максима Исповедника. С другой стороны, все эти *достопримечательности* никак не связывались с Зарядьем [Кондратьев 1893]. Традиционная структура путеводителя определялась сочетанием территориального и тематического принципов: все упоминавшиеся объекты были распределены по категориям («Монастыри», «Церкви», «Подворья») и описывались в разделах, соответствовавших частям города. Рассказ об интересующих нас зданиях Зарядья помещался в разделе «Китай-город», а улица Варварка выступала в качестве локуса, организующего повествование. Вследствие этого те здания, которые располагались на территории Зарядья, объединялись с домами на противоположной стороне улицы и не выделялись в отдельную группу.

Получается, в рассматриваемых материалах XVIII и XIX века отчётливого и артикулированного образа Зарядья как отдельного, самостоятельного района *не существует*. Само слово «Зарядье» встречается довольно редко, но и в этих случаях его значение часто остаётся неясным: то ли это церковное урочище, то ли переулок, то ли городской квартал [Малиновский 1992: 93-100; Рудольф 1848: 44]. Неопределённый статус района проявляется, в частности, в некоторой неочевидности топонима: даже в начале XX в. его использование сопровождается оговорками, авторы описывают *«так называемое¹ Зарядье»* [Москва... 1915: 157; Богатырев 1964: 76], а иногда используемое название требует пояснения [По Москве... 1917: 215].

Впервые такие топонимические комментарии появляются, вероятно, в 1820-х годах. «Мы повертели направо и через ворота каменной стены, окружающей Китай-город, въехали в Зарядье. *Так называются несколько улиц, составляющих часть Китай-города*» [Белинский 1962: 33], – это отрывок из «Журнала моей поездки в Москву» В.Г. Белинского. Другой пример, чуть более ранний, из подробнейшего четырехтомного путеводителя:

От Мытного двора (за стеною) вверх до улицы Варварской и вдоль до ворот Варварских вся часть города, хотя и разделяется нижнею улицею и переулками, но в общем смысле известна более под именем Зарядья, то есть места за рядами [Москва... 1827: 289].

Фактически здесь Зарядье впервые выступает в качестве самостоятельного объекта описания. И здесь же отмечаются особенности этого района:

Зарядье, будучи расположено на неровной отлогости горы, представляет что-то такое, похожее еще на древность: дома стеснены, и хотя есть новые, но ни один, кроме так называемого Глебовского подворья, не отличается хорошей архитектурой; улицы узки, и почти всегда, невзирая на мостовую, грязны [Москва... 1827: 289].

¹ Здесь и далее в цитатах выделение наше. – П.К.

Уже эта первая характеристика содержит основные положения, которые позже составят основу образа этого пространства. Его «древность» трактуется в неожиданном ключе: Зарядье описывается как грязный и малопривлекательный район, расположенный в низине, с узкими улицами и тесной застройкой [Белинский 1962: 33].

Между тем, упомянутые тексты на протяжении нескольких десятилетий остаются единственными в своем роде: всё это время Зарядье в московских путеводителях не вычленилось из городской среды как отдельный район; а если и упоминается, то лишь в качестве местного топонима с неопределённым географическим содержанием. Только в начале XX в. (с изменением классической концепции путеводителей, всё более ориентирующихся не на перечисление достопримечательностей, а на всестороннее комплексное *описание* городского пространства) меняется и статус Зарядья: теперь оно не просто фигурирует в качестве отдельного объекта, но и наделяется совершенно определённым культурным смыслом.

В путеводителях 1910-х годов этот район противопоставляется дорогим благоустроенным кварталам соседних улиц, Ильинки и Никольской:

С Варварки следует спуститься немного ниже, к Москве-реке, по Псковскому переулку, в так называемое Зарядье. Это – по-своему задний двор богатого Китай-города. Это – мир мелких ремесленников и мелочной торговли, мир грязных харчевен, мрачных мастерских, извозчицких квартир и съестных лавок [Москва... 1915: 157].

Если в этом кратком фрагменте негативное отношение к описываемому пространству едва намечено, то в других местах оно проявляется более отчётливо:

Само Зарядье, как то улицы, переулки, дома и квартиры, – было грязно до неузнаваемости и пропитано ужасным воздухом: надо было иметь большую привычку, чтобы пробыть в Зарядье хоть час. Улицы и переулки тесные, народ какой-то обдёранный, – даже жутко становилось. Бывало, вырвавшись оттуда, радостно вздохнёшь свежим воздухом [Богатырев 1964: 83].

Даже тогда, когда Зарядье называют «архаическими остатками» старой Москвы, под этими словами подразумевается не романтическая старина, а отсутствие цивилизации:

...стоит только спуститься по одной из лестниц, идущих от Варварки вниз <...> Из кварталов европейского типа вы сразу попадаете в труппный мир старой Москвы. Тут всё характерно: и грязные кривые переулки, и двухэтажные, с обсыпавшейся штукатуркой жалкого вида домишки, сплошь облепленные примитивными вывесками, и внутренние дворы со специфическими чертами социального dna [Москва... 1915: 106].

Итак, судя по городским путеводителям, в начале XX в. сформировался довольно отчётливый образ Зарядья, включавший ряд обязательных и устойчивых элементов. Прежде всего, в образе района находит отражение особенность местного рельефа: пространство между Варваркой и Москвой-рекой находится на скате холма, существенно ниже уровня улицы, вследствие чего Зарядье описывается как *низкое место*. Чтобы проникнуть туда, необходимо *спуститься*. Кроме того, по сравнению с северной частью Китай-города оно предстает *маленьким* районом. Здесь вместо улиц – переулки, вместо высоких зданий с современной рекламой – маленькие домишки с вывесками, вместо оптовой торговли богатых купцов и промышленников – мелкие лавочки, мелкие торговцы, мелкие мастеровые. Эта особенность определяет частое использование уменьшительных форм существительных в описаниях Зарядья. Своеобразным выражением маленького масштаба района можно считать и другую черту его внешнего облика: *тесноту* и *скученность*, проявляющуюся в узости переулков и очень тесной застройке (см. *рис. 3*). С ними связана также *темнота* и *мрачность* этого пространства. Как правило, Зарядье предстает *ветхим* районом, миром *трупп*, где повсюду – постоянная *грязь*, проявляющаяся в том числе и в специфическом *запахе*.

Рис. 3. Вид Зарядья с высоты птичьего полета. 1930-е гг. [Зарядье... 2000]

Заметим, что описание архитектурного облика района неизменно сопровождается его социальной характеристикой: люди здесь оказываются «под стать домам. По грязным улицам ходит «обдёрванный народ», а в *маленьких* лавочках работают *мелкие* торговцы. Зарядье – это низина не только в географическом смысле: это ещё и *социальное дно*. Таким образом, выделенные выше характеристики не просто описывают физические параметры пространства, но наделяют его соответствующим *культурным смыслом*. Так формируется цельный образ бедного неблагоустроенного городского района – довольно экзотичный, в целом, безусловно, негативный, но при этом весьма привлекательный для туристского осмотра. Как утверждается в одном из путеводителей 1917 г., «прогулка по этому совершенно своеобразному кварталу Москвы, имеющему громадное значение в торговой жизни нашей столицы, очень интересна и поучительна» [По Москве... 1917: 215].

Между тем, после революционных событий 1917 г. Зарядье вновь теряет свой специфический туристский статус. Новая идеология определяет иную концепцию репрезентации города (теперь – столицы нового государства); путеводители моделируют иной взгляд на городское пространство, посредством которого создаётся образ «новой» Москвы. В этом ракурсе Зарядье вновь становится *незаметным* и исчезает из путеводителей ещё на несколько десятилетий.

Несколько иная картина складывается в других литературных жанрах. В 1924 г. выходит роман Л.М. Леонова «Барсуки» [Леонов 1924], в котором автор на основе личных воспоминаний создаёт выразительный образ Зарядья начала XX в. Через пять лет другой уроженец района, И.А. Белоусов, публикует книгу «Ушедшая Москва» [Белоусов 1998], посвящённую детальному описанию местного быта и нравов в 1870-е – 1880-е годы. В предвоенное десятилетие тема Зарядья возникает и в публицистике: в 1935 г. появляется очерк Л.М. Леонова «Падение Зарядья» [Леонов 1984], а в 1940 г. – статья В.А. Веснина «Конец Зарядья» [Веснин 1940].

Как ни странно, во всех упомянутых текстах с большей или меньшей подробностью воспроизводится уже знакомый нам образ; упоминаются всё те же черты: низкое расположение, грязь, скученность, темнота, бедность и ветхость. Тут же и неизменная «мелкость»: домики и дворники, церквушки и церковки, конурки и каморки, закутки и улочки, лавочки и лавчонки и

даже – *фабрички*. Более того, в этих сочинениях образ Зарядья прописан более ярко и детально, нежели в дореволюционных путеводителях, и некоторые его характерные черты получили дальнейшее развитие. Так, важной составляющей образа Зарядья была *многонациональность*. В путеводителе «По Москве» 1917 г. она отмечается сразу после традиционного упоминания о грязи и тесноте: «Теперь это одна из самых грязных и скученных местностей Москвы. Здесь ряд <...> лавок, принадлежащих представителям всех национальностей: тут и персы, и армяне, и евреи, и русские» [По Москве... 1917: 215]. У Л.М. Леонова и В.А. Веснина последняя фраза повторяется почти дословно, только в одном случае русские заменяются татарами [Веснин 1940], а в другом – «бородатейшими староверами» [Леонов 1984: 41]. И.А. Белоусов подробно говорит о Зарядье как о наполовину еврейском районе, описывая своеобразные еврейские обычаи и повседневные практики [Белоусов 1998: 48-53]. Нельзя не отметить, что этническая пестрота здесь имеет преимущественно восточный колорит, о чём напрямую говорит один из авторов: «Какая-то яростная, крикливая окраска отличала весь строй здешнего бытия; она заставляла думать об этом месте как о далёком форпосте экзотической Азии в Москве...» [Белоусов 1998: 48-53].

Последнее высказывание представляется особенно примечательным по двум причинам. Во-первых, по причине единственности – оно противоречит расхожему представлению о мрачности и темноте как о характерных чертах Зарядья. Во-вторых, в приведенной фразе описывается важный механизм, посредством которого пространство наделяется определённым культурным смыслом. Из неё следует, что *думать* что-либо о месте (в данном случае, видеть в нём «азиатский форпост») *заставляет* именно его внешний облик («крикливая окраска»).

В этих же сочинениях находим и обратный пример – интерпретация какой-либо детали внешнего облика в контексте общего смысла данного пространства. В частности, такая характерная особенность зарядьевских домов, как «галерейки» / «галдарейки» (длинные галереи в надворной части домов, на которых располагались входы в квартиры – см. [Белоусов 1998: 49] и *рис. 4, 5*) оценивалась, прежде всего, как очевидный признак трущобной архитектуры и недвусмысленно указывала на низкий статус района.

Рис. 4. Мокринский пер., д. 13/1. Вид со двора. 1940 г. ДКН № 16659.

Рис. 5. Мокринский пер., д.15/7. Вид со двора.
1940 г. ДКН. № 16130.

Вообще, следует отметить, что в рассматриваемых текстах 1930-х годов тема *ветхости* Зарядья акцентирована особенно сильно: если ранее в образе района она занимала второстепенное значение, то теперь стала чуть ли не основной его характеристикой. Это наблюдение также имеет свое объяснение. Оба публицистических очерка (Л.М. Леонова и В.А. Веснина) появились после разработки Генерального плана реконструкции Москвы 1935 г., что отразилось на их содержании. В генплане территорию к югу от улицы Разина планировалось освободить от мелких построек и возвести на их месте монументальное здание. Иными словами, Зарядье представляло собой пространство, *подлежащее уничтожению*. Это было такое *настоящее*, исчезновение которого предопределено, то есть уже практически превратившееся в *прошлое*. Очевидно, такая установка и задавала основное содержание и образный строй анализируемых сочинений. Так, в контексте творчества Л.М. Леонова Зарядье осмыслялось как символическое

воплощение «старого мира» [Нусинов 1932: 271-272]. Характерно, что во всех текстах того времени, посвящённых Зарядью, речь идёт о его прошлом. И даже в единственном московском путеводителе 1930-х годов, упоминающем Зарядье, рассказ о нём парадоксальным образом ведётся исключительно *в прошедшем времени* – так, как будто в настоящем этого места уже не существует [Длугач, Португалов 1938: 37-38]. Показательны также и названия упомянутых сочинений: «Ушедшая Москва», «Падение Зарядья», «Конец Зарядья». Они точно отражают восприятие этого района авторами: существующий в их сознании образ пространства настолько прочно связан с самим местом, что исчезновение первого автоматически влечет за собой и исчезновение второго. По словам В.А. Веснина, «переделать этот веками сложившийся "задний двор" Китай-города немислимо. Его надо снести, чтобы потом создать заново одну из центральных частей города» [Веснин 1940]. Здесь *невозможность переделать* означает, что *другого* Зарядья быть не может. Эта же логика лежит, например, и в основе более позднего (1982 г.) высказывания о том, что древнейшая часть Большого посада Москвы «находилась на территории *бывшего* Зарядья, там, где сейчас гостиница "Россия"» [Смолицкая, Горбаневский 1982: 17]. В данном случае под словом «Зарядье», очевидно, понимается не столько географическое, сколько культурное пространство; не столько место (локус), сколько его образ, уже не существующий.

Впрочем, утерян он необратимо: благодаря писательскому мастерству И.А. Белоусова и Л.М. Леонова воссоздание этого образа не составляет сегодня большого труда. Так, Л.М. Леонов рисует убедительную картину трущобного района: зарядьевские

переулки он уподобляет «изогнутым узким норам», местные постройки – каменной трухе и ветоши, а само Зарядье – петровскому боярину, «у которого отхватили клочок его дремучей бороды» [Леонов 1984: 40-41, 48].

Зарядье в кино: трущобы у Кремля

Спустя некоторое время описанный выше выразительный образ *трущобного Зарядья*, созданный советскими литераторами, получил и визуальное воплощение. В 1953 г. на экраны вышел фильм М.К. Калатозова «Вихри враждебные» (киностудия «Мосфильм», 1953 г.), где Зарядье не только упоминалось, но и было местом действия в одном из эпизодов. Картина М.К. Калатозова рассказывала о жизни и деятельности Ф.Э. Дзержинского в первые годы Советской власти и состояла из нескольких довольно автономных частей, каждая из которых была посвящена отдельному эпизоду из жизни главного героя. Зарядье фигурировало в одной из них, посвящённой борьбе Советской власти с беспризорностью. В этом фрагменте оно предстает как место обитания оборванных и голодных беспризорников, которых Ф.Э. Дзержинский убеждает оставить прежнюю жизнь и стать полноценными гражданами молодой республики.

Кинематографический образ района в целом соответствует литературному, акцентируя его ключевые характеристики: сцены в Зарядье происходят в *темноте, внизу* (в подвале), откуда Ф.Э. Дзержинский выводит толпу бездомных оборванцев, *поднимаясь* с ними наверх, на *светлую* улицу. Характерно, что Зарядье здесь оказывается прибежищем людей, находящихся вне закона; оно описывается как пространство, противопоставляемое официальной власти, враждебное и небезопасное для её представителей – даже таких, как председатель ВЧК.

Стоит заметить, что репутация Зарядья как «*преступного*» района была довольно устойчивой как в литературе, так и в устной традиции. В 1958 г. вышла книга П.В. Сытина, в которой эта тема получила характерную трактовку:

В Зарядье находили себе приют укрывавшиеся от правительства и преследуемые им люди. При подавлении бунтов участники их часто искали убежища в Зарядье. Здесь были такие места, где их не могли найти [Сытин 1958: 106].

Тот же образ активно воспроизводится в воспоминаниях бывших жителей района:

Инф.: Вообще надо сказать, что Зарядье ведь славилось тем, что там – в какой-то степени, так же, как и Хитров рынок – там были неблагонадежные элементы, уголовных очень много... (интервью №7²).

Инф.: Поэтому здесь такой бандитский район был...

Соб.: Бандитский, да?

Инф.: Да! Конечно! Даже Марьино роца, как говорится, слабее... не шла в сравнение. Ну, конечно, здесь, в основном, люмпен-пролетариат жил <...> А здесь все без прописки жили. Сюда и милиция-то не очень совалась... Тут страшно... Тут как темнота наступала... – не захочешь ходить (интервью №5).

² Здесь и далее при цитировании материалов интервью мы даём ссылку на его номер по списку, приведённому в конце настоящей статьи. «Инф.» обозначает речь информанта (респондента), а «Соб.» – собирателя (интервьюера). Пояснения в квадратных скобках и выделения подчёркиванием принадлежат автору статьи. Многоточия обозначают речевые паузы, многоточия в угловых скобках – искусственные лакуны. Материалы интервью хранятся в архиве автора.

Инф.: В Архангельском как-то разговорились с одним товарищем, ну, он много старше был, преклонных возрастов:

– Ты откуда?

– Ну, из Зарядья.

– О, известно мне Зарядье!

– Что тебе так известно?

– Да, до войны, кому нужно пистолет достать или какое оружие – все собирались и ехали в Зарядье (интервью №2).

Таким образом, в фильме М.К. Калатозова интересующее нас пространство наделяется отчетливыми *негативными* характеристиками, хорошо знакомыми по вербальным источникам: это низкое и тёмное место, где обитают представители социального дна, скрывающиеся от закона. Нельзя не заметить, что это именно тот образ, к которому апеллируют А. и Г. Вайнеры в «Эре милосердия». Однако, если в «Вихрях враждебных» Зарядье фигурирует под собственным именем, то в картине С.С. Говорухина, ему в этом праве отказано. Чем это можно объяснить?

По-видимому, здесь задействованы два фактора. Первый – идеологический, обусловленный тем, что рассматриваемые картины различаются не только пространственными, но и временными образами. В одном случае речь идет о начале 1920-х годов – о становлении новой власти, которая в тяжёлых условиях, но с неизменным успехом решает насущные социальные и хозяйственные проблемы (в том числе преступность и беспризорность), доставшиеся ей в наследство от царской России. В другом же случае события происходят уже не в молодой советской республике, а в сильном государстве, которое не только давно избавилось от социальных язв царизма, но и одержало победу в мировой войне. Поэтому в первом фильме образ Зарядья как символа прошедшей эпохи вполне соответствовал общей идее произведения; а во второй картине ни о каком неблагоустроенном и «преступном» районе у стен Кремля не могло быть и речи – гораздо больше на эту роль подходили окраинные Сокольники.

Вместе с тем, эта замена одного района на другой объяснялась не только цензурно-идеологическими соображениями – важно тут не столько время *действия* фильмов, сколько время их *создания*. Начало 1950-х годов отличалось от конца 1970-х не меньше, чем после-революционное время от послевоенного: судя по всему, в 1953 г. образ *трущобного Зарядья* казался гораздо более достоверным и реальным, чем в 1979 г., когда за этим районом прочно закрепилась репутация историко-архитектурного заповедника. Как в конце 1940-х годов В.А. Веснин не допускал существования иного, «*не-трущобного*» Зарядья – так же и в 1970-х невозможно было помыслить Зарядье «*не-историческое*»!

Что же произошло между 1953-м и 1979-м годами? Что стало причиной такого радикального изменения образа места? Что *заставило думать* о Зарядье иначе, чем прежде? По всей вероятности, отмеченная смена культурного смысла пространства произошла в результате *существенного изменения его внешнего облика*. В 1964-1967 гг. на месте жилых домов, составлявших пресловутую плотную застройку Зарядья, была возведена гостиница «Россия» (см. *рис. б*), которая вместе с историко-архитектурными памятниками Варварки на долгие годы определила внешний облик района как исторического и туристского пространства.

Для того чтобы проверить это предположение о решающей роли внешнего облика в изменении пространственных смыслов, необходимо выявить и описать конкретные механизмы, обеспечившие эту трансформацию и проследить её основные этапы. Для этого ниже мы обратимся к *визуальным* материалам (для анализа визуальных репрезентаций исследуемого пространства) и к *устным* источникам, отражающим опыт его субъективного восприятия.

Рис. 6. Вид на гостиницу «Россия» и Кремль с высотного здания на Котельнической набережной. 1973 г. Фото Б.Н. Ярославцева. ЦАЭиАДМ. № 0-105857-1.

Визуальные репрезентации: старое и новое

Итак, для анализа описанных выше изменений в Зарядье необходимо, прежде всего, сопоставление изображений исследуемого пространства до и после произошедших преобразований. И хотя виды и жанры этих визуальных документов могут быть самыми разными, наиболее содержательными нам представляются документальные материалы – фильмы и фотографии³.

Обращаясь к документальным визуальным текстам, следует иметь в виду их специфику как источника. С одной стороны, как и всякий документальный текст, в сознании потребителя они обладают известной презумпцией достоверности, претендуя на объективное отражение реальности. В то же время анализ теории и практики фотографии [Визуальные... 2005; Власова 2007: 124] показывает, что даже документальный фотоматериал – это скорее визуальная репрезентация, нежели механическая фиксация действительности. «Субъективность камеры» проявляется в выборе объекта и ракурса, построении композиции – подобные технические параметры одновременно представляют собой *инструменты интерпретации* видимой реальности. Благодаря им фотография в первую очередь отражает не то, что «есть на самом деле», а то, что видит фотограф; не точный слепок реальности – но её образ.

Документальные изображения Зарядья могут служить наглядной иллюстрацией к сказанному. Даже на фотографиях первой половины – середины XX в. можно обнаружить разные образы этого места. Эти отличия показывают, что изображение на снимках в значительной мере определяется тем образом пространства, который существует в сознании автора ещё до съёмки. В этом смысле фотография становится материализацией визуального образа. Скажем, если на снимках, сделанных при архитектурном обследовании домов Зарядья, представлены почти исключительно исследуемые здания (см. фото: МУАР №№12498-12501;

³ Большая часть анализируемых фото- и видеоматериалов по Зарядью, относящихся к периоду до 1970-х годов, хранится в архивных фондах РГАКФД, ЦАЭиАДМ, МУАР и ДКН (см. список сокращений в конце настоящей статьи). См. также коллекцию [Фотографии... б.г.].

12706, 12731, 35379 и др.), то фотографии из личных архивов бывших жителей, напротив, «пренебрегают» архитектурой, изображая, прежде всего, людей. Обе эти категории отличаются от третьей, самой многочисленной группы снимков, репрезентирующих Зарядье как *специфическую городскую среду*, включающую как людей, так и всё, что их окружает.

Здесь Зарядье выступает не как фон, а как главный объект съемки. Большинство таких фотографий относятся к 1930-м – 1940-м годам, и, скорее всего, фотографы специально фиксировали то пространство, которое вскоре должно было исчезнуть (как снимки 1940-1941 гг., ДКН №№16663, 16130, 16695, 18387, 18773, 19021, 19016 и др.). Во многом взгляд на это пространство определялся тем монументальным ландшафтом, который должен был прийти на смену нынешнему в соответствии с Генеральным планом 1935 г. В результате в кадре чаще всего оказывалось то, что не соответствовало *будущему* Зарядью, что маркировалось как приметы вчерашнего дня. Подобно публицистам, описывавшим Зарядье как чудом сохранившийся осколок прошлого, фотографы также снимали «живое прошлое» и «уходящую натуру». Поэтому неудивительно, что появившиеся изображения иллюстрируют многие «трущобные» элементы Зарядья: здесь и полуразрушенные дома, и «обдёрганный» народ, и «внутренние дворы со специфическими чертами социального дна» (см. *рис. 7-9*). Столь же выразительны и киносюжеты того времени [Зарядье в процессе... 1940; Зарядье и Кочин... 1935].

Вместе с тем, содержание этих снимков не исчерпывается иллюстрацией литературного образа. Их сравнение с более поздними (с конца 1960-х годов вплоть до настоящего времени) визуальными репрезентациями этого места позволяют выявить значимые детали, отражающие не только внешние, но и сущностные различия Зарядья трущобного и исторического.

Рис. 7. Мокринский пер., д. 12. Вид со двора. 1940 г. [Зарядье Б.г.]

Рис. 8. Мокринский пер., д. 10. Вид со двора. 1940 г. [Можсаев, Михайлов 2007]

Рис. 9. Псковский пер., д. 4/12. Вид со двора. 1941 г. ДКН. № 18792.

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении фотографий «старого» и «нового» Зарядья – это различия *в цвете*. Если современное Зарядье являет собой яркую и многоцветную «картинку», то прежнее пространство предстаёт уныло серым. Налицо известный феномен: визуальный образ эпохи чёрно-белой фотографии (с середины XIX до середины XX в.) «выдержан в серой гамме».

Заметим, что в случае с Зарядьем этот эффект прекрасно подтверждает тезис о мрачности и серости места. Более того, он активно используется в документальных сюжетах 1960-х – 1970-х годов, посвящённых преобразению Зарядья. В них противопоставление старого и нового акцентировано посредством цветового кода – через контраст чёрно-белого и цветного изображения [Строительство... 1968; Заповедные... 1974; Улица... 1968]. Новое Зарядье предстаёт ярким, красочным ансамблем разнообразных памятников, хорошо заметных на монотонном сером фоне гостиницы. В противоположность этому нарядному зрелищу прежнее Зарядье изображается как серое, одноцветное и некрасочное пространство, в котором памятники незаметны. При всей идеологичности такого взгляда, он в известной степени соответствует действительности. По крайней мере, бывшие жители района в 1940-е – 1960-е годы воспринимали его именно так:

Инф.: [Здание палат Романовых – см. рис. 10, 11] *смазывалось в общей серости всех зданий, потому что, хоть, даже если где-то и было... нормально, скажем, покрашено, то это было покрашено всегда в один тон, это... были окна заделаны фанерой...* (интервью №8).

Соб.: *А облик здания [церкви Св Георгия – см. рис. 12, 13] другой был?*

Инф.: *Абсолютно!*

Соб.: *Вот Вы говорите, что оно не было таким красным, а какого цвета было?*

Инф.: *Ну, из красного кирпича просто, и не выделялось это всё так белым. Конечно, не были эти купола раскрашены <...> звездочек этих не было* (интервью №5).

Соб.: *А она [колокольня Знаменского монастыря] как выглядела?*

Инф.: *Она была совершенно обшарпанная. Вот я на нее сейчас посмотрела, думаю: такая она большая, красивая, а тогда какое-то было обшарпанное здание... Даже не приходило в голову, скажу Вам честно, что это колокольня* (интервью №7).

Рис. 10. Улица Разина, д. 18 («Музей боярского быта XVII в.»). Вид со двора. 1930-е годы [Щуцкая, Трегубова 2007].

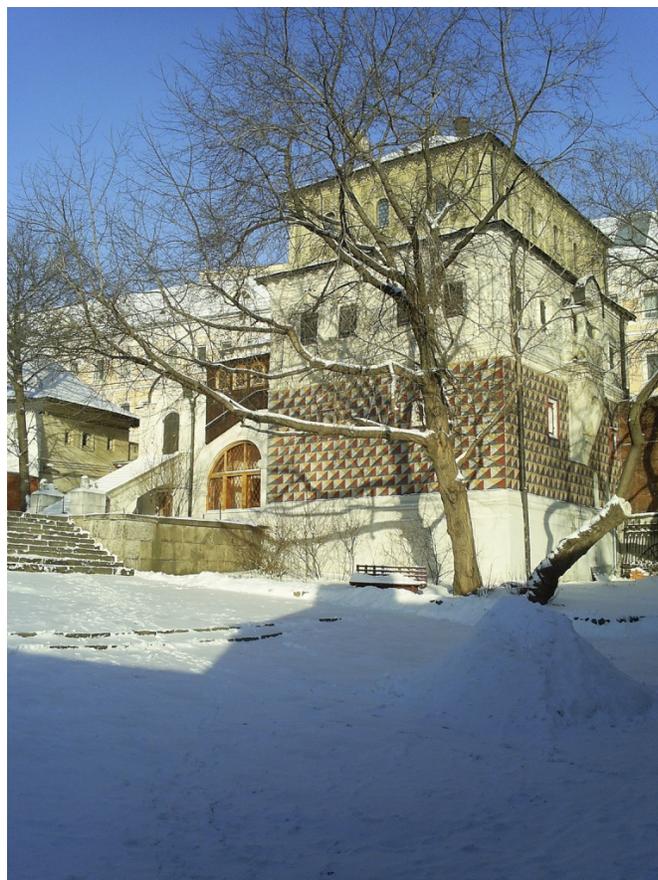

Рис. 11. Улица Варварка, д. 10 («Палаты бояр Романовых»). Вид со двора. 2006 г. Фото автора.

Рис. 12. Вид улицы Разина с востока на запад. 1940 г. ДКН. № 16135.

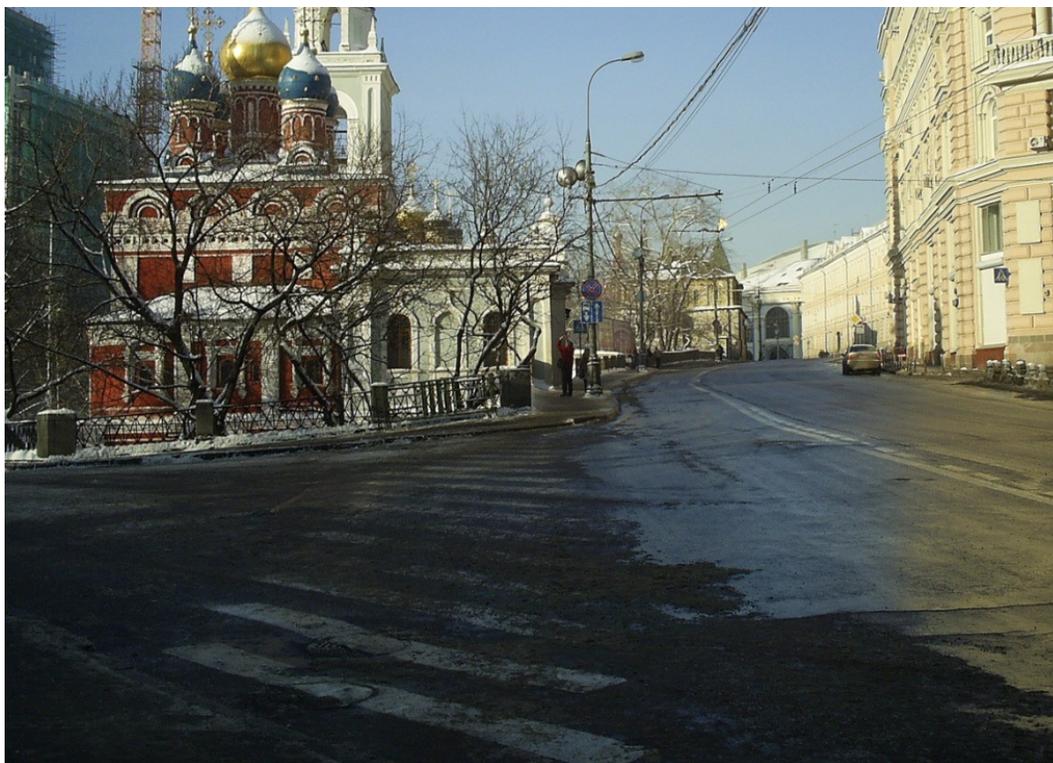

Рис. 13. Вид улицы Варварки с востока на запад. 2006 г. Фото автора.

Соб.: А что было в церкви, которая, вот, Анны, что в Угду?

Инф.: Не знаю. Ничего, по-моему, там не было. Я её и увидел только тогда, когда её отреставрировали и построили гостиницу «Россия». Я и о её существовании не знал...(интервью №3).

Монументализация и визуальный статус.

Неожиданное *обнаружение* церкви после постройки гостиницы «Россия» исключительно точно описывает произошедшие изменения. Во время масштабного преобразования Зарядья в 1960-е годы произошло своего рода *проявление* памятников: то, что раньше было скрыто, теперь стало явно; то, что раньше сливалось с окружением и не выделялось глазом, теперь было оказалось «в фокусе» (см. *рис. 14, 15*). Между тем, в краеведческом дискурсе гостинице «Россия» традиционно приписывается роль визуального препятствия для восприятия исторического ландшафта: она *закрывает* собой виды на московские достопримечательности (Кремль, Замоскворечье, Варварку). В нашем случае ситуация иная: памятники Зарядья, как ни парадоксально, становятся *видны* именно благодаря строительству гостиницы.

Самый наглядный пример этого преобразования – палаты Старого Английского двора, вплоть до 1960-х годов скрытые в составе более позднего строения. Они были выявлены П.Д.Барановским в 1956 г., и в результате реставрации в начале 1970-х гг. Зарядье обогатилось ценным памятником средневекового гражданского зодчества (см. *рис. 16-18*). История восстановления Английского двора довольно типична для Зарядья: аналогичную трансформацию в 1960-е годы довелось пережить и игуменским кельям Знаменского монастыря, а веком раньше – и Палатам бояр Романовых. Однако именно судьба Английского двора порождает ряд высказываний, весьма точно отражающих процесс визуальной трансформации Зарядья. Так, местные жители, не знакомые с историей обнаружения и восстановления палат, сегодня воспринимают их не иначе как «новодел»:

Соб.: А вот Английский Двор: как вот он тогда выглядел?
 Инф.: А его не было вообще. Я же говорю, что на его месте был дом жилой... Прямо вплотную к ограде вот этого крыльца стоял огромный шестиэтажный жилой дом.
 Соб.: А как он [Английский двор] потом появился?
 Инф.: А его просто-напросто построили по чертежам (интервью №4).

Рис. 14. Вид улицы Разина от Рыбного переулка [Улица... 1968]

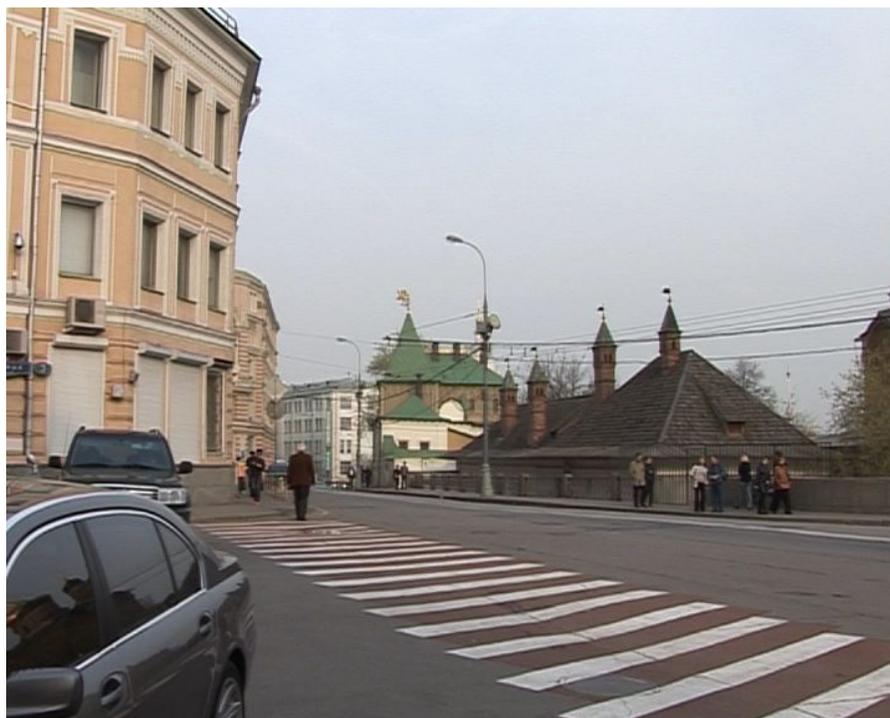

Рис. 15. Вид улицы Варварки от Рыбного переулка. 2007 г.
 Кадр из видеосъемки А.Ф. Андросова.

Рис. 16. Здание палат Старого Английского двора до реставрации. Вид с юго-запада. 1960-е годы [Казакевич 1977]

Рис. 17. Палаты Старого Английского двора. Вид с юго-запада. 1973 г. [Казакевич 1977]

Рис. 18. Палаты Старого Английского двора. Вид с юго-запада. 2008 г. Фото автора.

Таким образом, визуальная непроявленность здания естественным образом определяет его отсутствие в мыслимом ландшафте. Условием существования объекта как элемента ландшафта становится его визуальная наглядность. Поэтому появление здания как памятника в образе пространства связано, прежде всего, с его раскрытием для обзора. В связи с этим показательны высказывания авторов путеводителей. Их рассказ о восстановлении Английского двора редко обходится без метафор. В частности, отмечается, что палаты были обнаружены в основе позднего строения «и высвобождены искусством реставрации, как скульптурный образ высвобождается из глыбы камня» [Рахматуллин 2007: 59], а также – что здание «освобождено от позднейших пристроек, которые служили для него как бы каменным футляром» [Александров 1991: 33; Антипин 1973: 28]. Схожие образы используются и бывшими жителями при описании архитектурных изменений района:

Инф.: Это уже потом, так сказать, всё уже начали расчищать и обнаруживать, а так это были просто жилые дома и всё (интервью №1).

Инф.: Сейчас же много освободилось церквей в Зарядье... Вот сейчас тем более кое-какие... вообще снесли... дома, и они как-то оголились, церкви (интервью №6).

Используемая лексика довольно точно передаёт смысл осуществлявшихся процедур: памятники именно *освобождаются*, *очищаются* от окружающих построек; раскрываются для обозрения, становятся видимыми, заметными. На месте *тёмных* и *тесных* переулков возникают *освещённые просторные* площадки (см. рис. 19, 20).

Меняется и сама структура воспринимаемого пространства: непрерывность сменяется дискретностью; вместо труднорасчленимого множества однообразных построек появляется ряд *визуально артикулированных* объектов. Если раньше памятники сливались с окружающей средой и были практически неразличимы, то теперь их нельзя не заметить. В терминологии *событий* и *фона* как характеристик визуальной картины пространства [Асс 1984: 77] ранее Зарядье отличалось недостатком визуальных *событий* и, следовательно, повышенной (если не абсолютной) *фоновостью*, а с 1970-х годов оно, напротив, стало примером «тотальной *событийности*», *визуально насыщенным* местом. Иными словами, строительство гостиницы «Россия» и сопутствовавшие ей преобразования привели к *монументализации* пространства [Гройс 2003]. Это неизбежно отразилось на визуальных текстах: на снимках старого Зарядья архитектурные памятники встречаются нечасто, а среди современных фотографий трудно найти хотя бы одну без таковых.

Рис. 19. Елецкий переулок. Вид с юго-запада. 1960-е годы [Заповедные... 1974]

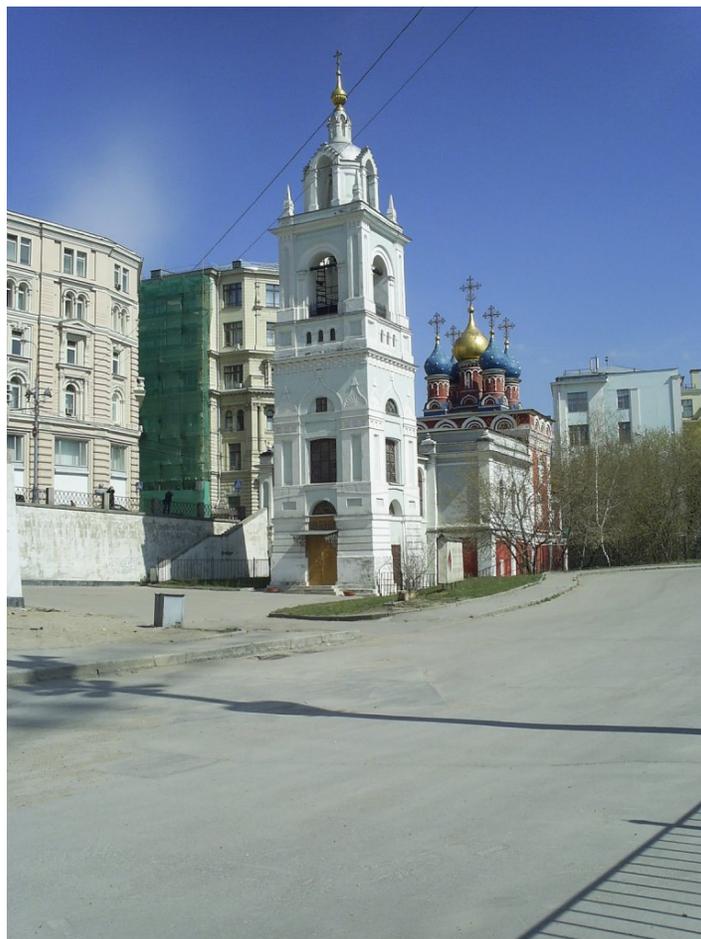

Рис. 20. Церковь Св. Георгия на Псковской горе. Вид с юго-запада. 2007 г. Фото автора.

Сравнивая фотографии старого и нового Зарядья, заметим, что вторых на порядок больше, чем первых. Конечно, в значительной степени это объясняется разной степенью распространённости и доступности фототехники. Однако для нас более важно изменение *визуального статуса* пространства. Новый внешний облик места предполагает иной способ его восприятия. Расчищенные, освобождённые и реставрированные памятники вовлекаются в процесс визуальной коммуникации, становясь объектами *наблюдения, взгляда*.

В путеводителе 1903 г. Зарядье и Китай-город описывалось следующим образом:

Ничего красивого и живописного здесь нет. Всё по недостатку свободы и простора жмётся друг к другу, теснится, и по всему видно, что здесь на первом плане коммерческие расчёты, а не красивые виды [Москва... 1903: 9].

Ровно сто лет спустя картина поменялась радикально: то же самое место стало рассматриваться как наиболее живописное и привлекательное:

Когда меня просят показать Москву, я иду к подножью Варварки, склону крутого холма, одному из семи легендарных. Отсюда вижу сразу оба чудных града: Кремль и Китай, стены и башни, купола и колокольни. Нигде в мире такой красоты нет [Колодный 2003: 27].

Как видно из приведенной цитаты, сегодняшнее Зарядье — это, прежде всего, красочный ансамбль, и основным способом его освоения / потребления служит визуальное восприятие. Большинство людей приходят сюда *специально* для того, чтобы *осмотреть* достопримечательности. Новый статус Зарядья точно подмечен и акцентирован в статье Р. Рахматуллина, посвящённой Варварке и Зарядью. Структура повествования в ней задаётся не внешними характеристиками пространства, а логикой визуального восприятия. Памятники описываются не в порядке их уличного расположения, а по мере их попадания в поле зрения наблюдателя. Рассказ о Зарядье строится как последовательное описание «зрелищ» (так называются и главы статьи), открывающихся с четырёх точек, расположенных — что характерно — на противоположной стороне улицы, наиболее выгодной для наблюдения [Рахматуллин 2007]. Именно *разглядывание* (как и все другие способы визуальной фиксации — фотографирование, рисование, видеосъёмка), становится основным предписанным видом деятельности на данной территории. Вероятно, здесь уместно упомянуть о выделяемом исследователями особом «модусе восприятия города», с присущими ему «фотографичностью», особым режимом «вглядывания», вниманием к разнообразным городским деталям [Запорожец, Лавринец 2007: 67–68].

Так или иначе, Зарядье сегодня оказывается популярным предметом *изображения*, причём, не только видео- или фотографического. Поисковая система «Яндекс» по соответствующему запросу выдаёт около 7000 «картинок», среди которых можно обнаружить значки, гобелены, картины на шёлке, шоколадные обёртки, а также акварельные, графические и гравированные пейзажи, выполненные в самой разной технике (см. *рис. 21*).

Ещё одним косвенным, но весьма красноречивым подтверждением визуальной привлекательности нынешнего Зарядья можно считать обилие рекламы, размещаемой на Варварке. Рекламные щиты довольно плотно располагаются между памятниками на чётной стороне улицы, превращая её в подлинно *рекламное место* (см. *рис. 22–24*).

Между тем, еще полвека назад это место не привлекало внимания, на него не принято было *смотреть*. Посторонние, не жившие здесь люди, избегали Зарядья — здесь было темно, грязно и небезопасно. Да и для местных жителей визуальный фактор не имел большого значения:

Инф.: Н-ну, ходили же ведь сюда [к палатам Романовых] не... смотреть... — возраст-то у нас какой был! — не старую церковь посмотреть! Тем более, тут ничего этого не было: тут ни музеев, ничего... (интервью №8).

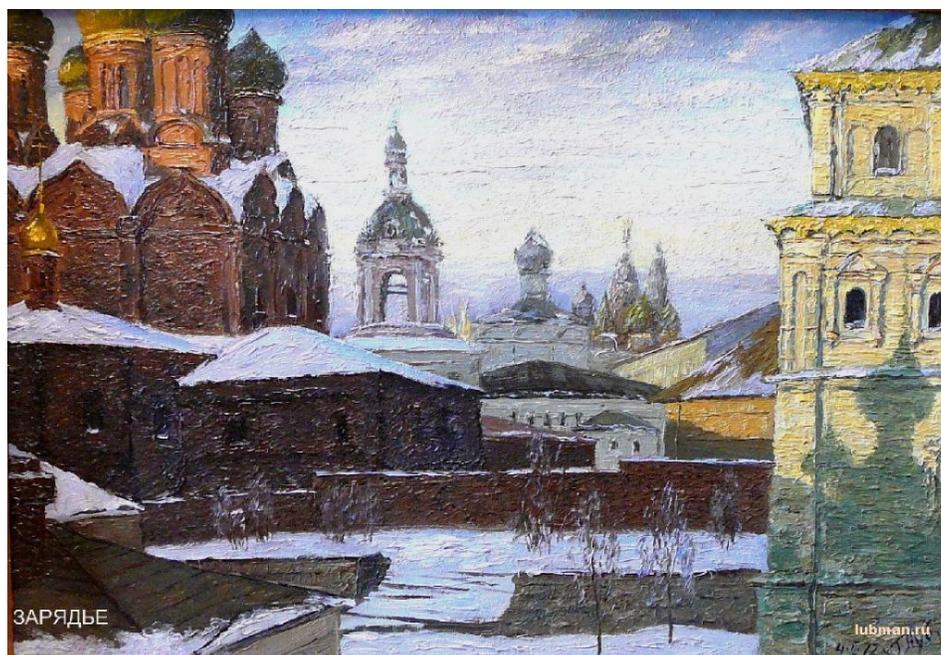

Рис. 21. Г. Лубман. Зарядье. 1972 г. [Лубман 1972]

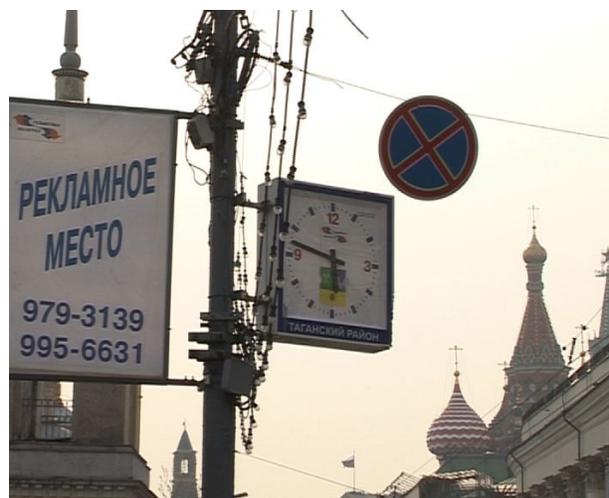

Рис. 22-24. Виды улицы Варварки. 2007 г. Фото автора.

В данном случае предписанному визуальному способу освоения окружающей среды противопоставляется иной, условно говоря, *акциональный* – связанный не с визуальным восприятием, а с активной *деятельностью* (игровой, хозяйственной, производственной); не туристский, а *повседневный*.

Музеефикация: от жилого квартала – к заповедной зоне.

Именно повседневным пространством предстаёт старое Зарядье на снимках и в документальных киносюжетах. Они фиксируют обыденную среду с её очевидными приметами: развешанным бельём, сложенными во дворе дровами, брёвнами и досками, открытыми сараями, и даже (в наиболее ранних материалах) шарманками. Как правило, на этих кадрах много людей, вовлечённых в разнообразные повседневные практики: они разговаривают с соседями, развешивают белье, покупают овощи в ларьке, гуляют с детьми. Последние, в свою очередь, также играют в мячи и куклы, ездят на велосипеде, а те, кто постарше – играют на бильярде (см. рис. 25-27).

Рис. 25. Двор возле Китайгородской стены. 1925 г. [Зарядье б.г.]

Весьма характерны и немногочисленные вербальные компоненты рассматриваемых изображений – вывески и надписи на стенах домов. Большинство из них обозначают располагающиеся здесь учреждения: «Почта. Телефон. Телеграф», «Детская библиотека-читальня №2...», «Третья типография государственного военного издательства», «27 отделение милиции», «Домоуправление № 50...», «Москультоформление. Тел.: К-5-18-11», «Парикмахерская», «Магазин Овощи-Фрукты», «Вата», «Молоко», «Игрушки. Бумага», «Зеркальная мастерская», «Ремонт головных уборов», «Починка обуви», «Телефон-автомат», «Газоубежище». Другие больше напоминают объявления-указатели: «Школа во дворе», «Дворник проживает в этом же доме», «Уборная во дворе» (см. рис. 28). Этот вербальный ряд и соответствующий ему визуальный контекст отражают узнаваемую картину типичного московского квартала середины

XX в. Здесь органично смотрятся и традиционные настенные надписи-граффити: «Юрка – дурак», «Лева + итальянка = <нрзб>». Это, в первую очередь, *жилое* пространство, основой которого выступает двор, где размещаются многие важные заведения и концентрируются основные повседневные практики. Кроме этого, оно включает в себя более или менее развитую инфраструктуру, а также ряд мелких производственных, торговых или административных учреждений.

Рис. 26. Псковский переулок, д. 5. Вид со двора. 1940 г. [Можяев, Михайлов 2007]

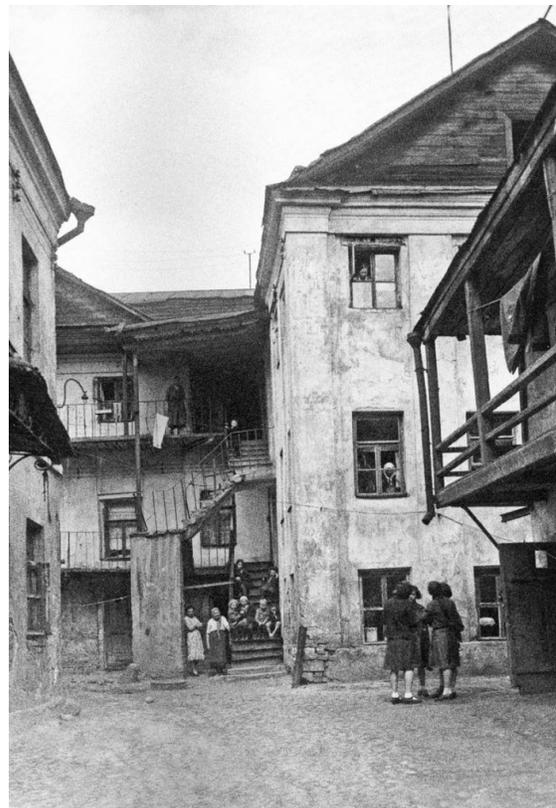

Рис. 27. Еришов переулок, д. 9. 1941 г. [Зарядье б.г.]

Рис. 28. Вывески на уличном фасаде дома № 8 по Елецкому переулку. 1941 г. ДКН. №18768.

Сравнивая эти материалы с современными, нетрудно заметить, что последние совсем иначе маркируют это пространство. Большинство вывесок и надписей, которые можно сегодня встретить в Зарядье, – это доски, удостоверяющие статус историко-архитектурного памятника, или разнообразные музейные тексты – указатели и информационные материалы (см. рис. 29-30).

Рис. 29-30. Музейные информационные щиты. 2007 г. Фото автора.

Все они недвусмысленно указывают на статус Зарядья как заповедной туристской зоны. Об этом же красноречиво свидетельствуют и изображения нового Зарядья. Визуальные источники представляют его как музей: многочисленные виды района – будь то любительские или профессиональные фотографии, акварельные пейзажи или видеоматериалы – это почти всегда изображения *зданий*. Люди здесь встречаются крайне редко – разве что изображаются во время традиционных туристских занятий: они читают путеводители, изучают карту, фотографируют (или фотографируются *на фоне памятников*), рисуют *памятники*, слушают экскурсовода, а чаще всего – просто осматривают достопримечательности (см. рис. 31-33).

Рис. 31. Вид улицы Варварки с востока на запад. 2009 г. Фото автора.

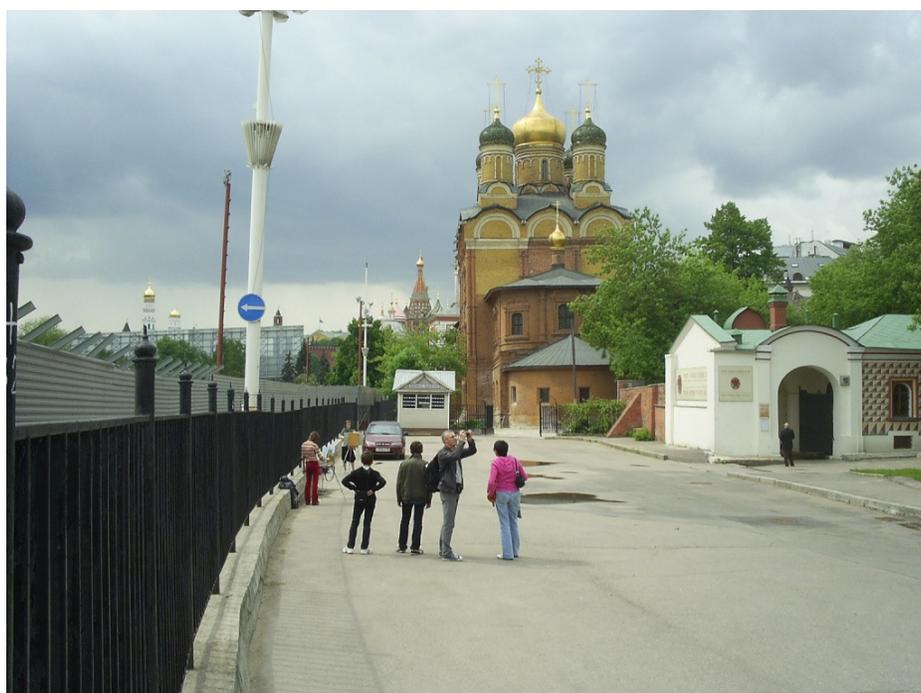
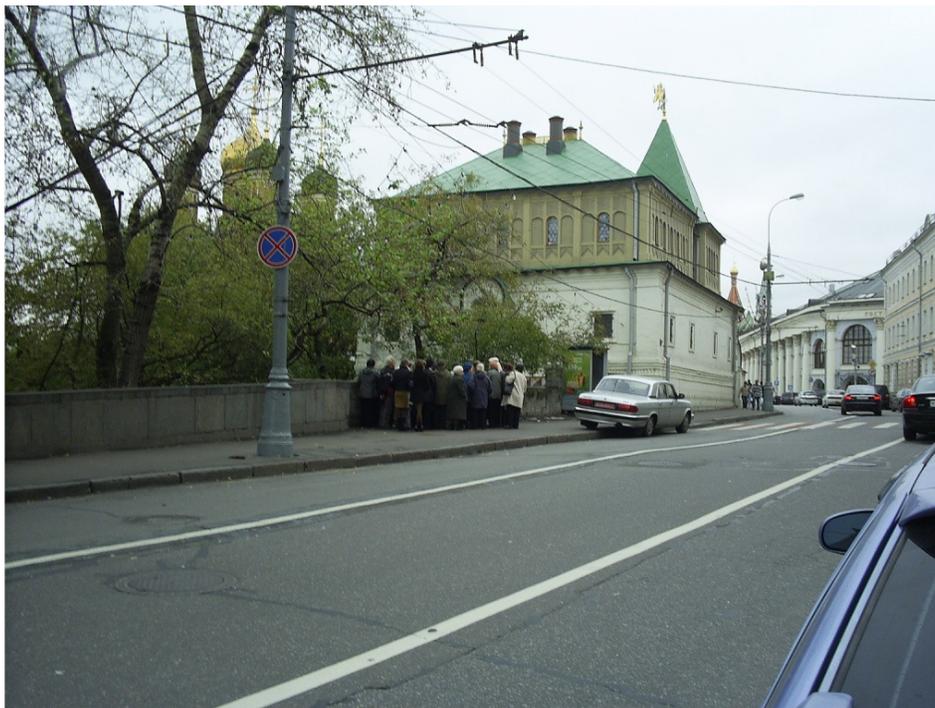
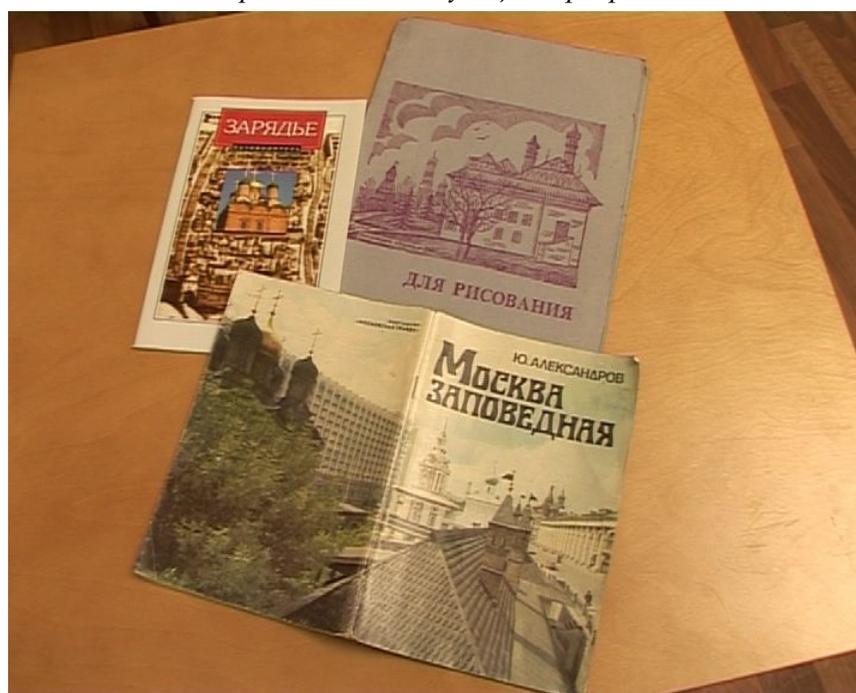

Рис. 32. Вид Знаменского собора с востока. 2009 г. Фото автора.

В 1973 г. Зарядье вошло в заповедную зону «Китай-город», что ещё более способствовало *музеефикации* пространства. В 1970-е годы за ним устойчиво закрепляются выражения «музей-заповедник под открытым небом», и «энциклопедия архитектуры». Редкий текст о Зарядье и Варварке обходится без этой характеристики [Антипин 1973: 4, 61; Двинский 1976: 122; Казакевич 1977: 40; Александров 1985: 142; Александров 1991: 32; Курлат 1989: 50; Фасад... 1990; Поникарова и др. 1998: 106]. Район, где расположены одни памятники и нет ни одного жилого дома, становится своего рода образцом заповедной зоны. Показательно, что именно его вид помещён на обложку книги «Москва заповедная» [Александров 1991] (см. *рис. 34*).

Рис. 33. Вид «Палат бояр Романовых» с улицы Варварки. 2008 г. Фото автора.

Рис. 34. Папка и книги с изображением Зарядья. 2008 г. Фото А.Ф. Андросова

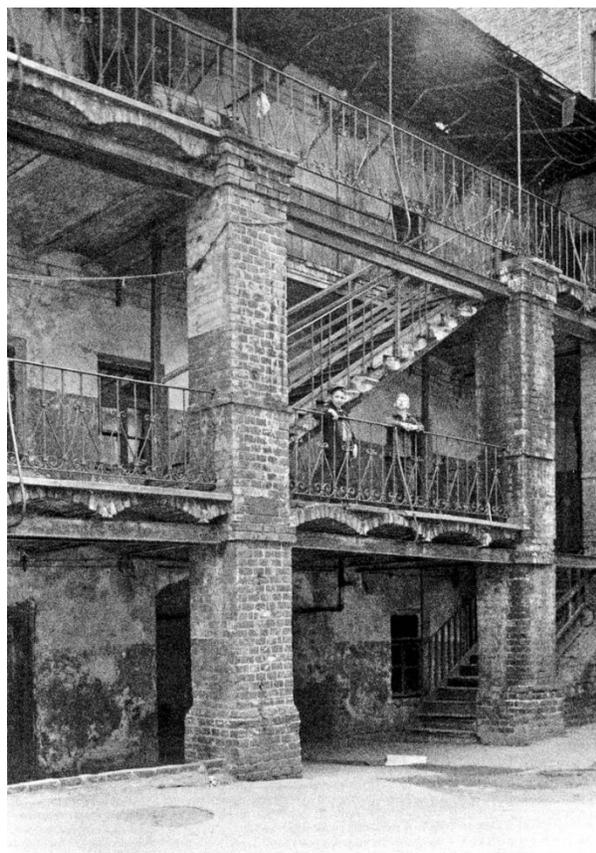
Парадоксальным, но закономерным свидетельством такого восприятия Зарядья служат объявления типа «Это не музей!» на служебных корпусах Знаменского монастыря (см. *рис. 35*): в заповедной зоне не-музейному объекту требуется специально заявлять о своём исключительном статусе.

При знакомстве с фотографиями старого – жилого – Зарядья нельзя не обратить внимания на одну деталь: почти на каждом снимке есть *лестница* – каменная, деревянная или, чаще всего, металлическая (см. *рис. 36-37*). Так же и на снимках современного Зарядья обращает на себя внимание постоянное присутствие в кадре *заборов и ограждений* (см. *рис. 38-40*). Представляется, что эти второстепенные детали могут быть интерпретированы как своеобразные символы, отражающие разные значения пространства. Лестница, во-первых, акцентирует движение по вертикали, и в этом смысле «созвучна» тезису о тесноте и скученности Зарядья (вынуждающей жителей осваивать подвалы и верхние этажи). Во-вторых, лестница не просто обозначает направления движения, но и косвенным образом указывает на *возможность* этого движения, и, следовательно, – на *доступность* окружающего пространства. Забор же – как лестница, «положенная на бок» – напротив, акцентирует горизонтальную плоскость и служит *преградой*, ограничивающей свободное движение.

Преобладание в разных визуальных рядах того или иного предмета может быть объяснено разницей между жилым и музейным пространством. В этом случае *открытость и проницаемость* выступают как свойства *жилого* пространства. Это свойство неоднократно отмечается в устных воспоминаниях местных жителей, подчёркивающих, что внутри Зарядья физических преград для них не существовало, а те, что были, легко преодолевались:

Рис. 35. Объявления на двери Братского корпуса Знаменского монастыря. 2011 г. Фото автора.

Рис. 36. Зарядьевские лестницы: Ершов переулок, д. 7, корп. 1. 1940 г. МУАР, №12882.

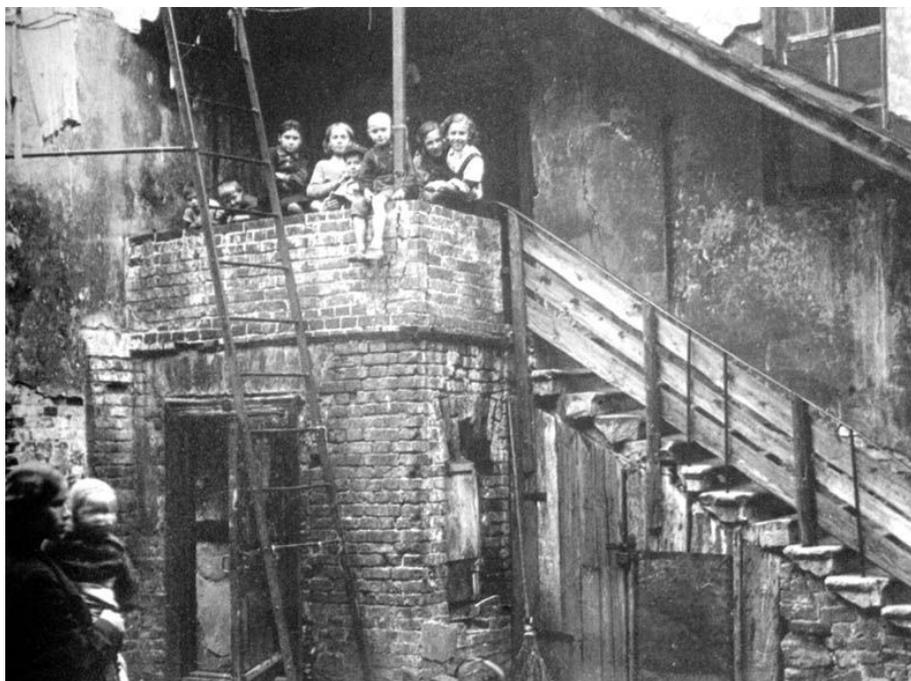

Рис. 37. Зарядьевские лестницы: Мокринский переулок, д. 10. Вид со двора. 1940 г. ДКН. №16693.

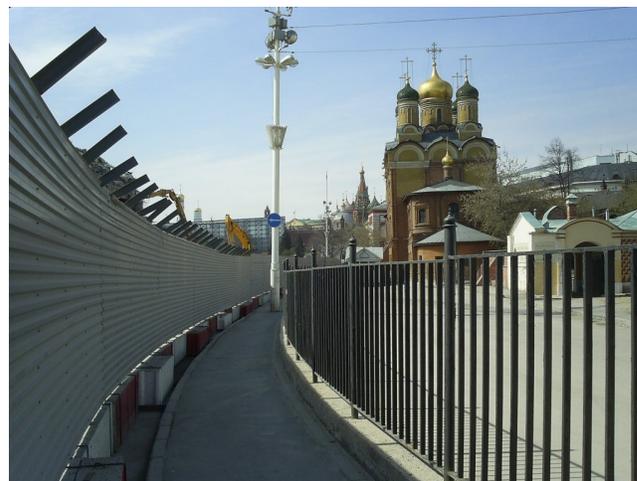
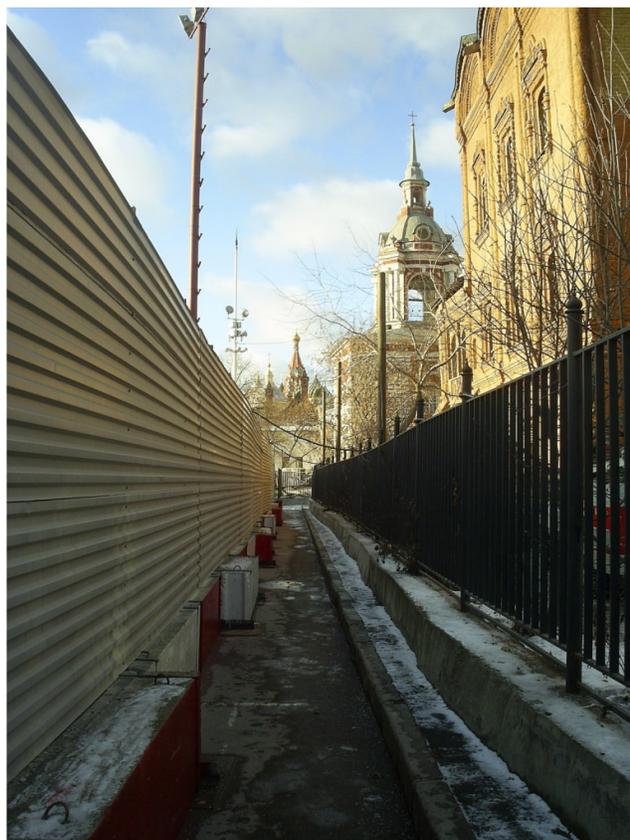

Рис. 38-40. Зарядьевские заборы: у ограждения строительной площадки. 2008 г. Фото автора.

Инф.: Вот, с нашего дома, например, можно было спуститься и идти там по ходам бог знает куда. Вот. Вот. Так что по внутренней [подземной] части тоже можно было по всему Зарядью гулять (интервью №5).

Инф.: Здесь [на границе территории музея] была металлическая ограда. Здесь были ворота, которые, как правило, были на замке <...>. Но там была пара прутьев выломана, и мы, конечно, беспрепятственно лазили (интервью №3).

Сегодня же структура местного пространства (конечно, во многом обусловленная наличием огромной строительной площадки) больше всего напоминает музей, где вместо открытого пространства, допускающего свободное передвижение – ограниченные зоны доступа с регламентированным движением и предписанными точками обзора. Вместе с уличными музейными указателями заборы здесь выполняют функцию ограничителей, которые не просто указывают маршрут, но вынуждают двигаться в заданном направлении

Превращение жилого квартала в музейный сопровождается изменением семиотического статуса [Байбурин 1981] местного ландшафта. В музейном пространстве этот статус заметно повышается: практическая значимость музейного предмета приближается к нулю, и он почти полностью становится знаком [Байбурин 2004: 81]. Церкви и палаты Зарядья для большинства «пользователей» этого пространства – уже не культовые или жилые постройки⁴, а музейные экспонаты. Отклики об этом противоречивые:

С улицей поистине произошло чудо: она вдруг предстала перед москвичами в своей древней, казалось бы, навсегда утраченной красе. Самоотверженным трудом советских историков, архитекторов и реставраторов дан пример возрождения заповедных мест [Федосюк 1983: 223; Двинский 1976: 122].

Вместо Варварки – красивой московской улицы, мы получили несколько не связанных между собой, сиротливо стоящих музейных экспонатов, да ещё и беззащитно раздробленных подъездной эстакадой [Романюк 1992: 71].

Тот факт, что в музейном пространстве здания оказываются изъятыми из системы практических связей, позволяет говорить об их искусственности, декоративности:

Если Арбат – сувенир для своих, Варварка угодливо расплалась своими храмами у подножия дорогого отеля. Поэтому в них так мало религиозного; они – декорация, антиквариат <...> Смотреть на эти здания – тоска; зато как эффектно они в тонированном зеркале гостиничных окон!... А как дивно выглядят с 14 этажа!... [Малинин 1995: 45].

Историческое место

Так или иначе, памятники Зарядья, превратившись в музейные объекты, стали знаками, то есть средствами для трансляции определённых смыслов. Исследования по невербальной семиотике показали, что отношения между физической формой и знаковым содержанием вещи не носят характера жёсткой зависимости. Иначе говоря, определённой материальной форме совсем не обязательно соответствует одно единственное знаковое содержание [Кнабе 1993: 101; Кнабе 1998: 59-64]. Скажем, большое количество храмов и колоколен на незначительной площади может трактоваться по-разному, как указывая на тесную застройку («по такому множеству церквей на таком малом пространстве можно судить о тесноте города» [Москва... 1827: 305]), так и маркируя пространство как церковное (в этом случае говорится об «обилии святости» [Колодный 2003: 27]). Самой же распространённой интерпретацией

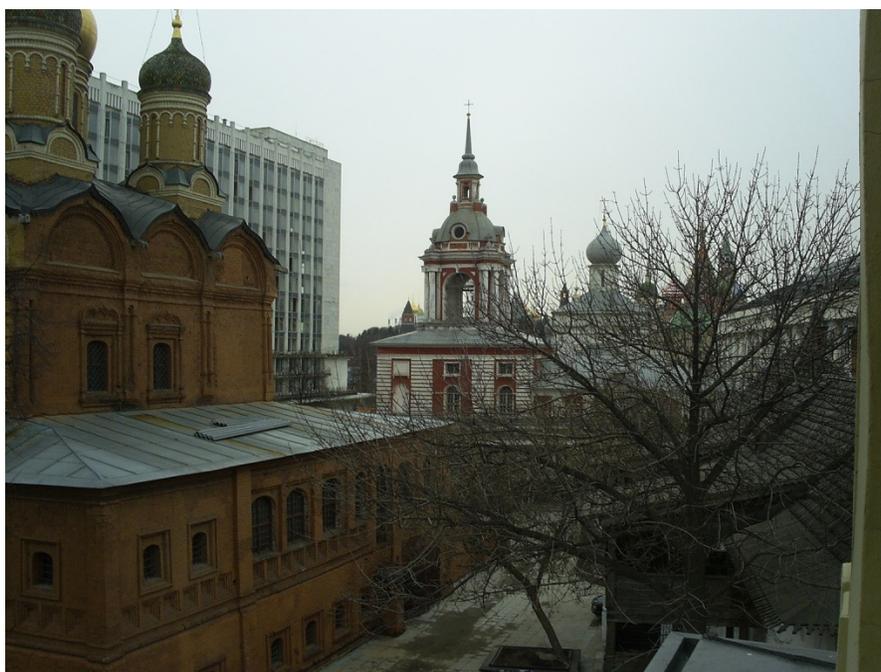
⁴ Специфическое и исключение в этом смысле составляют прихожане и клир патриаршего подворья в Зарядье, которые ввиду своей относительной малочисленности не меняют общей картины.

становится *историческая*: большое количество церквей рассматривается как признак древности данного места.

Именно такой смысл вкладывался в это пространство его создателями. Руководитель реставрационных работ в Зарядье И.И. Казакевич описывала этот район как «музей-заповедник на открытом воздухе, где памятники древнего зодчества *напоминают о средневековой Москве*» [Казакевич 1977: 40]. Вероятно, в какой-то степени такая интерпретация объяснялась господствующей идеологией, исключавшей религиозную трактовку подобного ландшафта. Так или иначе, именно такое понимание было усвоено современниками и остаётся господствующим вплоть до настоящего времени.

Об этом свидетельствуют, в частности, результаты анкетного опроса, проведённого среди прохожих и посетителей музея на территории Зарядья в мае 2009 г. Если среди предложенных характеристик района позиция «церковный» была выбрана лишь 30% участников, то позиции «древний» или «исторический» указали все без исключения (100%). Это красноречиво свидетельствует о преобладании исторического образа района. Кроме того, 20% опрошенных, отметив обилие храмов как отличительную черту внешнего облика района, охарактеризовали его при этом не как «церковный», а как «исторический». Последнее обстоятельство указывает на актуальную визуальную конвенцию, в соответствии с которой церковь в пространстве городского центра воспринимается, прежде всего, как элемент исторического ландшафта.

Конечно, исторический текст Зарядья основывается отнюдь не только на обилии церковных зданий. Существенную роль в его формировании играют масштабные археологические раскопки, проводившиеся здесь с середины 1940-х годов [Сытин 1958: 104; Латышева, Рабинович 1966; Антипин 1973: 4; Курлат 1989: 52]; посвящённые раскопкам документальные киносюжеты [Раскопки... 1950; Хроника... 1956; Зарядье 1951; Археологические... 1956] и, наконец, местные музеи, расположенные в старинных постройках – Палаты бояр Романовых (филиал Исторического музея) и Палаты Старого Английского двора (часть Музейного объединения «Музей Москвы»). Сам факт наличия на небольшой территории двух музеев исторического профиля – важный аргумент в пользу её историчности (см. *рис. 41-43*).

Рис. 41. Вид на Знаменский собор и колокольню Знаменского монастыря с улицы Варварки. 2005 г. Фото автора.

Рис. 42. Раскопки на территории музея «Палаты бояр Романовых» 1984 г. Архив филиала.

Рис. 43. Вид улицы Варварки с востока на запад возле «Палат бояр Романовых». 2007 г.
Фото автора.

В результате такой *историзации* Зарядье становится общепризнанным *местом истории* и занимает почётное место в историко-краеведческих изданиях и школьных учебниках по истории, где виды Зарядья активно используются в качестве иллюстраций к сюжетам XVI – XVII вв. [Горелова 1996: 41-47; Данилов, Косулина 2005: 193; Преображенский, Рыбаков 2001: 106; Сахаров 2001: 243; Пчелов 2003: 35]. Кинематограф также осваивает этот новый ландшафт: если раньше здесь снимали сцены повседневной жизни (например, для фильма «Берегись автомобиля»), то теперь уголки Зарядья представляют собой «готовую кинонатуру» [Рахматуллин 2007: 67] для исторических картин (таких, как «Князь Серебряный»).

Всё это способствует маркировке данного пространства как исторического: происходит «приклеивание» исторического смысла к конкретному ландшафту, закрепление за определённым означающим одного единственного означаемого. В итоге, уже в самом слове «Зарядье» как будто слышится что-то древнее – недаром вывеска одноимённого кинотеатра была стилизована под древнерусскую вязь⁵ (см. рис. 44).

Для человека, оказывающегося в *музейном* пространстве среди *памятников* старины и представляющих их стилизованных надписей, предписанное восприятие места как *исторического* становится самым очевидным и едва ли не единственно возможным. Прочитывая ландшафт в указанном ключе, наблюдатель соответствующим образом интерпретирует все его элементы. Скажем, такая характерная особенность местного рельефа как низкое расположение Зарядья относительно улицы уже не связывается – как сто лет назад – с социальным составом местного населения, а воспринимается как зримое подтверждение древности района, вызывая у посетителей неопределённые ассоциации с археологией и культурным слоем. Теперь это символ «глубины веков», а не «социального дна». В одном из краеведческих изданий 1980-х годов о Зарядье было сказано, что «история России *открывается* здесь повсюду внимательному взгляду. Она – в древних камнях, пластике объёмов, в красках и романтических силуэтах» [Александров 1985: 143]. Сегодня можно добавить, что она ещё и в оформлении витрин кафе, в дизайне модных ресторанов: использование истории как выгодного бренда – яркий признак современности, по-своему подтверждающий актуальность и востребованность *исторического Зарядья*.

Рис. 44. Вход в кинотеатр «Зарядье» [Казачков 2010]

⁵ Заметим, что образ исторического Зарядья исключает *многонациональность* как элемент местного ландшафта – сегодня это «заповедник» *русской истории и русского зодчества* [Двинский 1976: 122; Антипин 1973: 3].

Место двух образов

В заключение отметим, что городское пространство (или его фрагмент) существует не как физический локус, но как культурный ландшафт, наделяемый тем или иным смыслом, причём не всегда одним и тем же [Замятин 2009]. Между внешним обликом и культурным смыслом пространства существует тесная связь, что требует обращения к разным видам источников – как вербальным, так и визуальным. Образ места складывается из визуальной и смысловой составляющих, и трансформация одного из компонентов влечёт за собой изменение другого. В Зарядье в результате кардинального изменения внешнего облика пространство приобрело иное семиотическое значение и новый культурный смысл, во многом противоречащий предыдущему. В результате *монументализации, музеефикации и историзации* грязный и тёмный квартал превратился в живописную достопримечательность; жилой район – в музей-заповедник; мир трущоб – в место истории. Поэтому на сегодняшний день приходится говорить о *двух Зарядьях*: старом и новом.

Попытки совместить два этих образа предпринимаются с 1990-х годов [Колодный 2003: 17-44] вплоть до настоящего времени. Они связаны с «реабилитацией» Зарядья XX в., и в значительной степени – с его мифологизацией. В современной краеведческой литературе [Можаев, Михайлов 2007], в том числе в Интернет-пространстве формируется новый образ этого места как уютного уголка старой Москвы, с неблагоустроенным жильём, но с уникальной патриархальной атмосферой, сохраняющей не букву, но *дух* местной истории. Создателями и носителями этого ретроспективного ностальгического образа становятся не только молодые любители старой Москвы, но и бывшие жители Зарядья [Куприянов, Садовникова 2009]. Конкурс проектов застройки района, проведённый в 2012 г., показал, что идея *музеефикации жилого Зарядья 1920-х – 1950-х годов* имеет своих сторонников, и возможно, в какой-то степени будет реализована на практике. Пока же старое и новое Зарядье сосуществуют как два противоположных – почти несовместимых – образа, как *два разных пространства*. Топоним, общее название – это единственное *слово*, которое их объединяет. Собственно географический локус остаётся единственным *местом*, где происходит совмещение двух пространств – очевидно, это то самое *место встречи*, которое *изменить нельзя*.

Интервью

Интервью №1 – Интервью с Валерией А., 1930 г.р., жила в Зарядье в 1930-1961 гг. Соб.: А.Ф. Андросов, П.С. Куприянов, Л.В. Садовникова. 2005 г.

Интервью №2 – Интервью с Василием П., 1937 г.р., жил в Зарядье в 1937-1965 гг. Соб.: А.Ф. Андросов, П.С. Куприянов, Л.В. Садовникова. 2005 г.

Интервью №3 – Интервью с Дмитрием В., 1930 г.р., жил в Зарядье в 1930-1961 гг. Соб.: А.Ф. Андросов, П.С. Куприянов, Л.В. Садовникова. 2006 г.

Интервью №4 – Интервью с Юлией С., 1949 г.р., жила в Зарядье в 1945-1961 гг. Соб.: А.Ф. Андросов, П.С. Куприянов, Л.В. Садовникова. 2006 г.

Интервью №5 – Интервью с Владимиром Ш., 1943 г.р., жил в Зарядье в 1943-1947 и 1949-1953 гг. Соб.: А.Ф. Андросов, П.С. Куприянов, Л.В. Садовникова Н.В. Чвырь. 2007 г.

Интервью №6 – Интервью с Изабеллой Ж., 1939 г.р., жила в Зарядье в 1939-1953 гг. Соб.: А.Ф. Андросов, Л.В. Садовникова. 2008 г.

Интервью №7 – Интервью с Ириной Б., 1938 г.р., жила в Зарядье в 1938-1962 гг. Соб.: А.Ф. Андросов, Л.В. Садовникова. 2008 г.

Интервью №8 – Интервью с Георгием Д., 1946 г.р., жил рядом с Зарядьем в 1946-1979 гг. Соб.: А.Ф. Андросов, Л.В. Садовникова. 2009 г.

Сокращения

ДКН – Отдел документальных фондов Департамента культурного наследия г. Москвы.
МУАР – фотоархив Государственного Музея архитектуры им. А.В. Щусева.
ЦАЭиАДМ – Центральный архив электронных и аудиовизуальных документов г. Москвы.
РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов (г. Красногорск).

Литература

- Александров Ю.Н. Москва. Диалог путеводителей. М.: Московский рабочий, 1985.
Александров Ю.Н. Москва заповедная. М.: Московская правда, 1991.
Алексеев А.И., Ким Э.В., Козленко С.И. и др. Москвоведение. Наш город: Учебник для 5-7 классов общеобразовательных учреждений. М.: Москвоведение, 1998.
Антипин Г.Г. Зарядье: Проспект-путеводитель. М.: Реклама, 1973.
Археологические раскопки в Зарядье: киносюжет. 1956. ЦАЭиАДМ. №299.
Асс Е.В. Средовая типология и городской дизайн // Труды Всероссийского НИИ технической эстетики. Серия Техническая эстетика. Вып. 44. М.: ВНИИТЭ, 1984. С. 69-85.
Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология (Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 37). Л., 1981. С. 215-226.
Байбурин А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. №1. С. 81-87. <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/bab13.html>.
Белинский В.Г. Журнал моей поездки в Москву и пребывания в оной // Очерки московской жизни. М.: Московский рабочий, 1962.
Белоусов И.А. Ушедшая Москва. М.: Русский мир, 1998.
Богатырев П.И. Московская старина // Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX в. М.: Московский рабочий, 1964.
Вайнер А.А., Вайнер Г.А. Эра милосердия. М., 2001.
Веснин В.А. Конец Зарядья // Московский большевик. 1940. №243. С. 3.
Визуальные аспекты культуры: сб. науч. ст. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2005.
Викторов В.В. Трофимова Р.П. Москва: Культурологический словарь. М.: Финансовая академия, 1998.
Власова Т. Рассматривание, рассказывание, припоминание: нарративизация содержания семейных фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сборник научных статей / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С.123-145.
Горелова Н.А. «Город чудный, город древний...»: Материалы по Москвоведению для младших школьников. М.: Мирос; Новая школа, 1996.
Гройс Б. Город в эпоху его туристической воспроизводимости // Неприкосновенный запас. 2003. №4. <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/grois.html>.
Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России с древнейших времен до конца XVI в. М.: Просвещение, 2005.
Двинский Э.Я. Москва от А до Я. М.: Московский рабочий, 1976.
Длугач В.Л., Португалов П.А. Осмотр Москвы в три, пять и десять дней: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1938.
Замятин Д.Н. Локальные мифы: модерн и географическое воображение // Обсерватория культуры. 2009. №1. С. 13-25; №2. С. 14-23. <http://goo.gl/55ajd>.
Заповедные зоны столицы: кинофильм. 1974. ЦАЭиАДМ. №186.
Запорожец О., Лавринцев Е. Потеряться, чтобы увидеть: опыты фотографического восприятия города // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 61-78.

- Зарядье: киносюжет. 1951. ЦАЭиАДМ. №536.
- Зарядье // Москва: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 268.
- Зарядье // Москва: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 298.
- Зарядье // Википедия [версия от 14 марта 2013]. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Зарядье>.
- Зарядье [Фотографии. Часть 3] // АрхНадзор. Б.г. <http://foto.archnadzor.ru/Zaryadie/page/3/>.
- Зарядье в процессе реконструкции: киносюжет. 1940. ЦАЭиАДМ. №542.
- Зарядье и Кочин переулоч в Москве: киносюжет. 1935. РГАКФД. №22736.
- Зарядье: Путеводитель. М.: Гос. исторический музей, 2000.
- Казакевич И.И. Московское Зарядье. М.: Искусство, 1977.
- Казачков А. Кинотеатры нашей юности. 5 ноября 2010 // Дыхание времени: Блог о 60-70-х годах. <http://www.blogrockology.ru/?p=7743>.
- Кнабе Г.С. Знак и его свойства // Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.: Индрик, 1993. С. 87-98.
- Кнабе Г.С. Основы общей теории культуры. Методы науки о культуре и её актуальные проблемы // История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение: Курс лекций / Под ред. С.Д. Серебряного. М.: РГГУ, 1998. С. 37-88.
- Колодный Л.Е. Москва в улицах и лицах. Китай-город. Замоскворечье. М.: Голос-Пресс, 2003.
- Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. М.: Изд. И.А. Морозова, 1893.
- Куприянов П.С., Садовникова Л.В. Место памяти в памяти местных: Культурные смыслы городского пространства (по материалам интервью жителей московского Зарядья) // Антропологический форум. 2009. №11. С. 370-406.
- Курлат Ф.А. Москва от центра до окраин: Путеводитель. М.: Московский рабочий, 1989.
- Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва в далеком прошлом. М.: Наука, 1966.
- Леонов Л.М. Барсуки. М.: Художественная литература, 1924.
- Леонов Л.М. Падение Зарядья // Леонов Л.М. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 10. М.: Художественная литература, 1984. С. 40-48.
- Лубман Г. Зарядье. 1972 [картина] // Лубман Г. Виртуальный вернисаж. Галерея живописи «Дарить людям радость!». <http://lubman.ru/?n=b0251067&a=1067>.
- Малинин Н. Ночь. Улица. Фонарь. Варварка // Столица. 1995. №13.
- Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М.: Московский рабочий, 1992.
- Можаев А., Михайлов К. Потерянный мир. Зарядье и Москворецкая улица // Московское наследие. 2007. № 3. С. 79-92.
- Москва белокаменная: Путеводитель-справочник. СПб., 1903.
- Москва, или исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского. Ч. II. М.: Тип. Селивановского, 1827.
- Москва. Путеводитель / Под ред. Е.А. Звягинцева, М.Н. Коваленского, М.С. Сергеева, К.В. Сивкова. М.: Изд. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1915.
- Нусинов И.М. Леонов // Литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1932. С. 269-279.
- По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям / Под ред. Н.А. Гейнике, Н.С. Елагина, Е.А. Ефимовой, И.И. Штица. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1917.
- Поникарова Н.М., Горелова Н.А., Кузина И.Н. Московведение. Здравствуй, Москва! 2-3-4 классы. М.: Московведение, 1998.
- Преображенский А.А., Рыбаков Б.А. История отечества: Учебник для 6-7 классов общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2001.
- Пространство России: Круглый стол // Отечественные записки. 2002. №6. С. 27-36.
- Пчелов Е.В. История России XVII – XVIII вв.: Учебник для 7 класса. М.: Дрофа, 2003.
- Раскопки в Зарядье: киносюжет. 1950 г. РГАКФД. №28870.
- Рахматуллин Р. Варварка, туда и обратно // Московское наследие. 2007. №3. С. 51-77.

- Романюк С.К. Москва. Утраты. М.: ПТО Центр, 1992.
- Рудольф М. Москва с топографическим указанием всей ее местности и окрестностей. Подробная справочная книжка для приезжающих и живущих в столице. Ч. I. М.: Изд. М. Рудольфа и Н. Смирнова, 1848.
- Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до конца XVI в.: Учебник для 6 класса. М.: Просвещение, 2001.
- Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М.: Наука, 1982.
- Строительство гостиницы Россия: киносюжет. 1968. ЦАЭиАДМ. №2.
- Сытин П.В. Из истории московских улиц. М.: Московский рабочий, 1958.
- Тишков В.А. Культурный смысл пространства // Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Улица Разина и другие материалы: киносюжет / Оператор И. Сокольников, Центральная студия документальных фильмов. 1968. РГАКФД. №22537.
- Фасад и задворки улицы Разина // Московская правда. 08.09.1990. С. 2.
- Федосюк Ю.А. Москва в кольце Садовых. М.: Московский рабочий, 1983.
- Фотографии по тэгу «Зарядье» // Фотографии старой Москвы. Б.г.
<http://www.oldmos.ru/photo/tag/Зарядье>.
- Хроника 1956 г. Раскопки в Зарядье: киносюжет. 1956 г. РГАКФД. №15001.
- Щуцкая Г.К., Трегубова Е.Л. Старый дом на Варварке. М.: Гос. исторический музей, 2007.
- Moscow Hotel “Russia” nowadays // English Russia. October 4, 2006.
<http://englishrussia.com/2006/10/04/moscow-hotel-russia-nowadays/>.